

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Рональд Инглхарт, Кристиан Вельцель

МОДЕРНИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Выдержки из: Инглхарт, Р., & Вельцель, К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия*: Новое изд-во.

Пересмотренная теория модернизации Споры о теории модернизации В разных обществах люди видят мир по-разному, и их ценности чрезвычайно различаются. В некоторых странах 95% граждан считают, что Бог играет крайне важную роль в их жизни, в других такое услышишь только от 3%. В каких-то государствах 90% населения уверены: при дефиците рабочих мест у мужчин должно быть больше прав на получение работы, чем у женщин. В других так думают только 8%. Эти межстрановые различия весьма устойчивы. Однако, как мы показываем в настоящей книге, в развитых странах мира эти и многие другие важные ценности постепенно меняются. Эти изменения в общих чертах поддаются прогнозированию, так как связаны с социально-экономическим развитием. Они происходят буквально во всех современных обществах, а их последствия имеют важное значение. Изменение ценностей ведет к пересмотру религиозных убеждений и трудовой мотивации, влияет на уровень рождаемости, гендерные роли и сексуальные нормы, что, в свою очередь, порождает в обществе требования, связанные с демократизацией институтов и повышением «отзывчивости» элит. Как будет показано ниже, социально-экономическое развитие ведет к примерно предсказуемым изменениям культуры, и эти изменения на каком-то этапе создают благоприятные условия для возникновения демократического строя там, где его еще не существует, а в случае его существования придают ему более устойчивый и непосредственный характер. Теория модернизации основана на идее человеческого прогресса (Carneiro 2003).

Теория модернизации возникла в эпоху Просвещения вместе с убежденностью в том, что технический прогресс даст человечеству власть над природой. Антуан де Кондорсе одним из первых четко связал развитие экономики с процессами в культурной сфере: он утверждал, что технический прогресс и развитие экономики неизбежно приведут к изменению нравственных ценностей (Condorcet [1795] 1979).

Адам Смит и Карл Маркс выдвинули конкурирующие версии теории модернизации, при этом первый поддерживал капитализм, а второй выступал за коммунизм (Smith [1776] 1976; Marx [1858] 1973). Однако, несмотря на резкое расхождение во взглядах на пути модернизации, оба мыслителя считали технические инновации и их социально-экономические последствия основой прогресса человечества и всеобъемлющего изменения политических институтов и культурной сферы. По этому вопросу Маркс высказывался с особой определенностью, доказывая, что именно социально-экономическое развитие предопределяет изменение ценностных ориентаций: господствующие в обществе ценности и моральные нормы образуют идеологическую «надстройку» над социально-экономическим «базисом», и изменение базиса неизбежно влечет за собой изменение идеологии.

После войны в Соединенных Штатах возникла еще одна версия теории модернизации, постулировавшая, что низкий уровень развития страны — это прямое следствие ее особенностей,

в первую очередь традиционного характера экономики, институтов, психологических и культурных черт (Lerner 1958; Almond, Coleman 1960; Pye, Verba 1963; Almond, Powell 1966; Weiner 1966; Binder et al. 1971; Inkeles, Smith 1974). Согласно этой концепции традиционные ценности не просто преходящи: они могут и должны быть замещены ценностями современными, позволяющими этим обществам двинуться по (практически неизбежному) пути капиталистического развития.

Хантингтон выдвинул тезис о том, что после окончания холодной войны в основе будущих политических конфликтов будут лежать в первую очередь устойчивые культурные различия, в основном отражающие религиозные традиции разных обществ (Huntington 1996).

Устойчивость традиционных культур

Хантингтон, Патнэм и Фукуяма утверждают, что культурные традиции отличаются чрезвычайной устойчивостью; именно они формируют сегодняшнюю политическую и экономическую практику (Huntington 1996; Putnam 1993; Fukuyama 1995)¹. В то же время авторы теорий модернизации от Маркса и Вебера до Белла и Тоффлера доказывали, что формирование индустриального общества сопровождается последовательным отходом от традиционных ценностных систем.

Главный тезис теории модернизации состоит в том, что социально-экономическое развитие ведет к закономерным и до известной степени прогнозируемым изменениям в культурной и политической жизни (Deutsch 1963; Pye, Verba 1963; Stinchcomb 1965; Huntington 1968). Социально-экономическое развитие действительно подталкивает различные общества в примерно предсказуемом направлении. Исходным моментом социально-экономического развития являются технические инновации, повышающие производительность труда; потом приходит профессиональная специализация, повышение уровня образованности и доходов населения; формы взаимодействия между людьми диверсифицируются, преобладающую роль начинает играть не руководство и подчинение, а договорные отношения; в долгосрочной перспективе все это оборачивается переменами в сфере культуры, такими как изменение гендерных ролей, отношения к власти и сексуальных норм, сокращение рождаемости, более широкое участие народа в политике, формирование общества, более критично настроенного и менее пассивного.

Однако изменения в сфере культуры зависят от исторических особенностей общества. Традиционно протестантские, православные, исламские или конфуцианские страны образуют ярко выраженные «культурные зоны» с собственными ценностными системами — их наличие четко прослеживается даже при всех поправках на результаты социально-экономического развития. Эти культурные зоны отличаются немалой устойчивостью. Хотя под воздействием мощных сил модернизации ценностные системы разных стран развиваются в одном и том же направлении, вопреки упрощенческим постулатам о глобализации культуры, их конвергенции не происходит (Meyer et al. 1997; Stevenson 1997). Системы взглядов обладают чрезвычайной долговечностью и устойчивостью. Ценности могут меняться и меняются, но при этом они продолжают отражать историческое наследие общества. Социально-экономическое развитие ведет к предсказуемым культурным и политическим изменениям, а коллапс экономики порождает изменения в противоположном направлении.

Эти изменения носят вероятностный характер. Более того, культурные изменения нелинейны, в отличие от экономического развития здесь нет постоянного движения в одном направлении; поэтому и «конца истории» быть не может. Так, индустриализация ознаменовалась переходом от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, однако с возникновением постиндустриального общества культурные изменения пошли в другом направлении. После этого переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным замедляется и даже останавливается, зато набирает силу другой процесс — переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения, в рамках которых люди все больше делают акцент на свободе выбора, личной независимости и творческой самореализации. В период перехода от доиндустриального общества к индустриальному изменения в этом направлении шли медленными темпами, но в условиях постиндустриального общества они становятся преобладающей тенденцией.

Впечатление, будто мы движемся к нивелированному «миру „Макдоналдсов“», в основном иллюзорно. Как показывают Уотсон и его коллеги, эти вроде бы однотипные закусовые, вырастающие по всему миру как грибы, в разных культурных зонах имеют разное социальное значение и выполняют несхожие социальные функции (Watson 1998). Хотя внешне все почти неотлично, для японца съесть бигмак — совершенно иной социальный акт, чем для американца или китайца. Глобализация в сфере коммуникаций неоспорима. Но именно потому, что проявления этого процесса так бросаются в глаза, его последствия сильно преувеличиваются. То, что молодежь повсюду носит джинсы, общается через Интернет и пьет кока-колу, заметить нетрудно. Сохранение же глубинных ценностных различий не так бросается в глаза, однако оно не менее существенно. Тот факт, что общество было сформировано протестантской, конфуцианской или исламской культурной традицией, оставляет на нем неизгладимый отпечаток и выводит на путь, продолжающий воздействовать на его развитие даже после того, как непосредственное влияние религиозных институтов слабеет, — это мы наблюдаем сегодня. Так, хотя в протестантских странах Европы сегодня мало кто регулярно ходит в церковь, общества, сформировавшиеся под воздействием протестантизма, по-прежнему демонстрируют характерный набор ценностей и представлений. То же самое верно для традиционно католических, исламских, православных и конфуцианских стран. Тезис о секуляризации верен лишь наполовину. На этапе индустриализации роль религии действительно ослабевает, и даже в постиндустриальных обществах способность традиционных религиозных институтов диктовать волю массам быстро сходит на нет. Однако духовные потребности в широком смысле этого понятия не исчезают — наоборот, их значение только усиливается. Таким образом, хотя в постиндустриальном обществе прежние иерархические церковные институты теряют популярность, духовная жизнь приобретает формы, все более отвечающие целям самовыражения личности.

Два измерения культурных изменений

Можно выделить два этапа воздействия социально-экономического развития на изменения в сфере культуры. Индустриализация кладет начало одному важному процессу культурных изменений: бюрократизации и секуляризации. Возникновение постиндустриального общества запускает второй фундаментальный процесс культурных изменений: движение в сторону рационализации, централизации и бюрократизации сменяется движением к личной независимости и ценностям самовыражения.

В период индустриализации общество стремится — любой ценой — максимально наращивать производство материальных благ, видя в этом наилучший путь к повышению благосостояния людей. Эта стратегия оказалась чрезвычайно успешной в деле преодоления голода и увеличения средней продолжительности жизни, но в условиях постиндустриального общества ее «отдача» снижается. Постиндустриальная модернизация ведет к фундаментальному изменению экономической стратегии — происходит переориентация от максимального повышения материального уровня жизни на повышение благосостояния людей за счет изменения образа жизни. Главным критерием «хорошей» жизни делается не количество вещей, а «качество впечатлений» (Florida 2002). Выдвижение на первый план ценностей самовыражения меняет политические приоритеты постиндустриального общества: вместо стремления к экономическому росту любой ценой все больше внимания уделяется защите окружающей среды. Кроме того, место классовых конфликтов в качестве главной причины политических разногласий занимают вопросы культуры и качества жизни.

Сегодня целью усилий человека стало не столько производство вещей, сколько общение с другими людьми и обработка информации: важнейшими видами продукции стали инновации, знания и идеи. Самым значительным фактором производства становится ГЛАВА 1. ПЕРЕСМОТРЕННАЯ ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ | 49 | творчество человека (Florida 2002). В XIX веке в Соединенных Штатах в сельском хозяйстве было занято 80% рабочей силы, сегодня — всего 2%. В начале XX века основой американской экономики было промышленное производство; сегодня же США превратились в «общество знаний», которое только на компьютеры тратит много больше, чем на все промышленное оборудование. Одним из ключевых аспектов этого изменения в характере экономики является то обстоятельство, что сегодня люди в своей трудовой деятельности обладают куда большей самостоятельностью, чем промышленные рабочие прошлого. Рутинные задачи все в большей степени передаются компьютерам и роботам. Работники в «секторе экономики знаний» перестали быть шестеренками огромного механизма; в их профессиональные обязанности входит принятие самостоятельных решений.

Усиление личной независимости подрывает потребность в догматических ориентирах и жестком авторитете, как религиозного, так и светского порядка. Значение духовных вопросов снова увеличивается.

Неопределенность всегда сопровождает жизнь людей — в том числе и в условиях постиндустриального общества. Однако представления о рисках в постиндустриальном обществе фундаментальным образом отличаются от беспокойства о простом выживании, сопровождавшего жизнь людей на доиндустриальном и индустриальном этапах развития. Риски, существующие в постиндустриальном обществе, напротив, носят абстрактный характер. Они не основаны на непосредственном опыте, а требуют интеллектуального осмысления. ДА ЧАСТЬ I. ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ: ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ | 56 | же специалисты-профессионалы расходятся друг с другом в вопросе о темпах и последствиях глобального потепления. Риски, связанные с новыми технологиями, например генной инженерией, имеют долгосрочный характер и общечеловеческий масштаб, но здесь и сейчас отдельному индивиду они ничем не грозят. Такого рода угрозы не ощущаются немедленно, для их понимания необходим высокий уровень информированности и способность разбираться в сложной аргументации. Таким образом, восприятие подобных угроз «конструируется» обществом. В результате значительная часть населения может их попросту игнорировать или воспринимать как гипотетические. Ничто не заставляет людей в повседневной

жизни учитывать опасности, связанные с глобальным потеплением или клонированием живых существ. Но эта же защищенность от непосредственных угроз позволяет людям задумываться о проблемах, которые их напрямую не касаются. Высокая степень жизненной защищенности и личной независимости помогает людям расширять собственный кругозор и обеспечивает более высокий уровень восприятия рисков. Подобная форма восприятия рисков является результатом интеллектуальных усилий людей, которые чувствуют себя относительно защищенными, а потому могут уделить время и энергию проблемам, не угрожающим им непосредственно. Личная защищенность и независимость ослабляют эгоцентризм и усиливают гуманистическую ориентацию (homocentrism) (Maslow [1954] 1988). Утверждение ценностей самовыражения формирует гуманистическое восприятие угроз. Оно фундаментальным образом отличается от эгоцентрического восприятия угроз, лежащего в основе ценностей выживания.

Изменение ценностей как исторический процесс

В индустриальную эпоху первостепенное внимание уделяется накоплению материальных благ и экономическому росту, а массовое конвейерное производство требует слаженности и дисциплины, а не индивидуального творчества и самовыражения. Стандартизация труда в «фордистскую» индустриальную эпоху формировала рутинность и дисциплину — на работе, в частной жизни и деятельности государственных бюрократических структур (Whyte 1956).

В традиционных обществах социализация проходит в рамках тесно сплоченных групп, связанных узами, побуждавшими людей сотрудничать ради выживания своей группы. Действовавшие нормы поведения ограничивали внутригрупповое насилие, обязывали людей подчиняться дисциплине и иерархии, подавляли стремления к социальной мобильности. Ограничению внутригруппового насилия способствовало в частности то, что бедных учили мириться со своим положением в обществе (чем они могли заслужить спасение в другом мире).

Ситуация изменилась с возникновением постиндустриального общества. Оно обеспечивает индивиду куда более высокий уровень материальной обеспеченности и независимости, что способствует распространению ценностей самовыражения.

Познание и опыт как источники изменения ценностей

Необходимо избавиться от одностороннего выпячивания когнитивных факторов в качестве движущей силы изменений в сфере культуры. Теоретики модернизации доказывали, что ее движущей силой является образование: в любой стране современные представления о мире характерны для наиболее образованных людей, и с ростом уровня образования религиозное мировоззрение неизбежно отстает перед секулярно-рациональным (Lerner 1958; Inkeles, Smith 1974; Inkeles 1983).

Высокий уровень образования — это показатель того, что человек вырос в условиях материальной обеспеченности, что физическое выживание он воспринимал как данность, а потому высоко ценит независимость, свободу выбора и самовыражения. Практически во всех странах, где проводились социологические опросы по программе Values Survey, люди с университетским образованием придают самовыражению большее значение, чем население в целом. Это отражает тот факт, что высокообразованные люди происходят из более привилегированных слоев, воспитываются в сравнительно более благоприятных условиях, обладают опытом более высокой защищенности и

независимости, чем другие члены общества. Но выработке современного мировоззрения способствует не только личная защищенность и независимость. Свою роль здесь играет и преобладающая в обществе атмосфера. Поэтому, несмотря на несомненную связь между более высоким образованием и приверженностью ценностям самовыражения, степень этой приверженности у образованных людей из разных стран различается намного больше, чем у высокообразованных слоев и большинства населения одной страны.

Познавательный компонент образования необратим, чего нельзя сказать о чувстве защищенности и независимости. Ощущение надежности или ненадежности окружающего мира возникает в раннем возрасте и отличается относительной стабильностью, но оно легко может быть подорвано даже краткосрочными циклическими факторами, не говоря уже о таких катастрофических событиях, как коллапс общества и экономики в целом. Такого рода катастрофы редки, но за период проведения Values Survey их пережила целая группа стран.

В 1989–1991 годах рухнули коммунистические режимы в Центральной и Восточной Европе. В государствах, ставших наследниками Советского Союза, это привело к резкому нию уровня материального достатка, прекращению роста или сокращению средней продолжительности жизни и травмирующему воздействию краха социально-политической системы, а также привычных представлений, сложившихся в этих странах за много десятилетий советской власти. Научное знание никуда не исчезло — оно продолжало развиваться, — и образовательный уровень населения в бывших коммунистических странах остался столь же высоким, как и раньше. Но прежнее чувство уверенности в завтрашнем дне и в способности человека определять свою жизнь резко ослабло. Если бы утверждение современных ценностей было связано исключительно с когнитивными факторами, в этих обществах продолжалось бы распространение ценностей самовыражения. Но поскольку на формирование этих ценностей влияет также чувство защищенности и независимости (или зависимости и незащищенности), можно было предположить, что в постсоветских обществах будет наблюдаться стагнация или откат к традиционным ценностям и ценностям выживания. Как мы увидим, именно это и произошло. Хотя в прошлом десятилетии темпы экономического роста были низкими во всем мире, богатые демократические страны не пережили ничего похожего на катастрофу, потрясшую до основания ту часть мира, где раньше доминировал Советский Союз. Более того, последствия относительного застоя на Западе в 1990-х годах компенсировались импульсом смены поколений, продолжающим подталкивать богатые демократические страны в сторону современных ценностей. Модернизация в культурной сфере здесь, как и следовало ожидать, продолжалась. Когнитивная интерпретация подразумевает, что, поскольку накопление знаний происходит постоянно, модернизация в сфере культуры необратима. Согласно нашему истолкованию этот процесс обратим, и в условиях, преобладающих после 1989 года, следует ожидать, что в большинстве постсоветских государств в этой сфере должен происходить регресс. Этот вывод подтверждается и эмпирическими данными. Преобладающие в обществе настроения в отношении личной защищенности важнее, чем когнитивные факторы.

Последствия культурных изменений

Поворот от ценностей индустриальной эпохи к постиндустриальным подрывает многие из ключевых институтов индустриального общества. В сфере политики распространение постиндустриальных ценностей ведет к ослаблению авторитета власти и усилению акцента на

участии людей в общественной жизни и самовыражении. В авторитарных государствах эти изменения способствуют демократизации, а в демократических — ведут к утверждению «прямой демократии», менее элитарной и более конкретной. В любом случае переход к ценностям самовыражения придает демократии более «подлинный» характер. Ценности самовыражения по определению оказывают на человека эмансипационное воздействие и ставят его во главу угла, формируя гуманистическое общество нового типа, в рамках которого свобода и независимость личности распространяется сразу во многих направлениях. Уважение к власти размывается, а долгосрочная тенденция к повышению степени участия масс в управлении государством приобретает новый характер.

Защищенность, самостоятельность и общество знаний

Социально-экономическое развитие повышает уровень физической и материальной защищенности: в этом состоит его самый большой вклад в человеческое развитие. Этот процесс освобождает людей от воздействия материальных факторов на принятие важнейших решений. Он способствует распространению ценностей самовыражения, потому что люди могут освободиться от забот о простом выживании и ставить себе другие цели. Но укрепление жизненной защищенности — не единственный способ, которым социально-экономическое развитие обеспечивает утверждение ценностей самовыражения. Большую роль играет также практический рост личной независимости, связанный со становлением общества знаний и сопровождающим его усложнением социальной организации, расширением круга и разнообразия контактов между людьми.

С индустриализацией приходят бюрократизация и секуляризация. Но в постиндустриальных обществах изменения в сфере культуры приобретают другое направление: происходит поворот от рационализма, централизации и бюрократизации к усилению личной независимости и ценностей самовыражения. Таким образом, социально-экономическое развитие порождает не одно, а два измерения кросс-культурных различий, одно из которых связано с индустриализацией, а другое — с развитием постиндустриального общества. Первоначальная этноцентрическая версия модернизации интерпретировала этот процесс как вестернизацию. Это не так. В историческом плане процесс индустриализации начался на Западе, но в последние десятилетия по многим направлениям модернизации передовые позиции заняла Восточная Азия. Аналогичным образом, нельзя ставить знак равенства между модернизацией и американизацией. В сфере культурных изменений Соединенные Штаты не являются мировым лидером: они представляют собой скорее исключение из правила, демонстрируя намного большую приверженность традиционным и религиозным ценностям, чем другие богатые страны. Соединенные Штаты не являются эталоном происходящих культурных изменений, и, вопреки одной из популярных версий модернизационной теории, в результате индустриализации другие страны в целом не становятся похожими на Соединенные Штаты. Важнее всего то, что утверждение ценностей самовыражения превращает модернизацию в процесс человеческого развития, ведет к формированию гуманистического общества нового типа, в котором эмансипация личности происходит по ряду направлений — от предоставления равных прав гомосексуалистам, инвалидам и женщинам до укрепления прав человека в целом. Этот процесс отражает гуманистическую тенденцию модернизации.

В постиндустриальном обществе в последние десятилетия ключевым выражением модернизации в сфере культуры стал поворот к ценностям самовыражения. Свобода выбора и эмансипация стали лейтмотивом во всех сферах жизни, от политики до воспитания детей, отношений между полами, мотивации к труду, религиозной ориентации и гражданской активности. Утверждение ценностей самовыражения и свободы выбора создает весьма благоприятные объективные условия, позволяющие стремлению всех людей к независимости играть приоритетную роль. Поворот к свободе выбора ведет к чрезвычайно важным последствиям, поскольку сопровождается требованиями о расширении прав и возможностей женщин, повышении «отзывчивости» элит, действенности гражданских и политических свобод и демократизации институтов. Этот процесс представляет собой «человеческое развитие», поскольку активизирует самую важную отличительную черту нашей расы: способность самостоятельно принимать решения и действовать.

Социально-экономическое развитие и изменения в культурной сфере

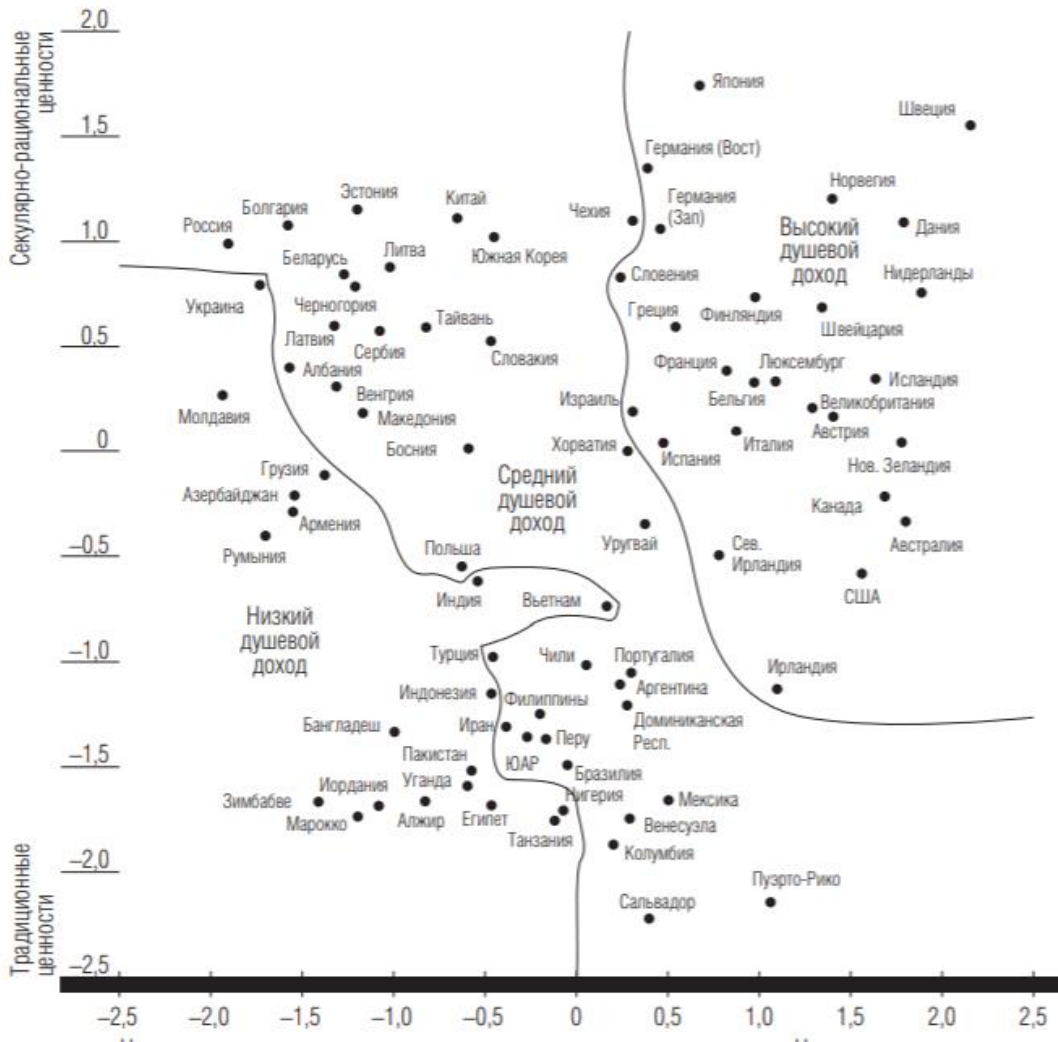
Мы определили два основных измерения кросс-культурной вариативности. Действительно ли они, как мы предполагаем, связаны с социально-экономическим развитием? Рисунок 2.1 представляет собой «культурную карту мира», основанную на двух измерениях, выявленных в ходе описанного выше факторного анализа. Вертикальная ось отражает поляризацию между традиционными и секулярно-рациональными ценностями: общества, где акцент делается на традиционных ценностях, расположены в нижней части карты, а страны, где утвердились секулярно-рациональные ценности, — в верхней части. Горизонтальная ось демонстрирует поляризованность между ценностями выживания и самовыражения: страны, где приоритет отдается ценностям выживания, группируются в левой части карты, а те, где акцентируется самовыражение, — в правой части. Как видно на рисунке, основополагающие культурные ценности общества тесно связаны с его социально-экономическим развитием. Ценностные принципы богатых стран резко и систематически отличаются от тех, что господствуют в бедных государствах. Все страны с высоким душевым доходом (по определению Всемирного банка) занимают относительно высокие места по обоим измерениям, оказываясь в правом верхнем углу карты. И напротив, все страны с низким душевым доходом попадают в левый нижний угол рисунка 2.1. Общества со средним уровнем доходов располагаются в промежуточной культурно-экономической зоне. Социологические данные редко демонстрируют столь устойчивую закономерность: ни одна из 80 стран, по которым у нас имеются сведения, на этом рисунке не оказывается исключением из правил. Таким образом, социально-экономическое развитие подталкивает страны, независимо от их культурного наследия, в одном и том же направлении.

Краткие итоги

Культурные традиции общества оказывают куда большее влияние на измерение «традиционные/секулярно-рациональные ценности», тогда как утверждение ценностей самовыражения в значительно большей степени обуславливается процессом модернизации. В этой общеисторической перспективе нам следует пойти дальше, чем Вебер: господствующей тенденцией модернизации становится не рационализация власти, а эмансипация от нее: в результате модернизация превращается в процесс человеческого развития, способствующий эмансипации человека в самых разных областях. Эта трансформация личности в современную эпоху оборачивается важными последствиями на уровне всего общества. Человеческое развитие

способствует укреплению гражданского общества, политических свобод, качественного государственного управления и гендерного равенства, а значит, увеличивает и вероятность утверждения демократии в тех странах, где ее еще не существует, и придает ей большую «отзывчивость» по отношению к интересам людей там, где демократическая система уже действует. Ценности самовыражения играют в этом процессе важную роль.

Рисунок 2.1. УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И РАСПОЛОЖЕНИЕ 80 СТРАН НА «КУЛЬТУРНОЙ КАРТЕ»

Примечание. Координаты каждой страны определяет значение двух факторов, соответствующих двум главным измерениям кросс'культурной вариабельности. Зоны экономического развития со'ответствуют определениям Всемирного банка (см.: World Development Indicators 2002).